

УДК 81'38:82-311.9:1

DOI <https://doi.org/10.24919/2308-4863.1/24.176758>

Поль ДОНЕЦ,

orcid.org/0000-0001-6759-0920

*преподаватель кафедры перевода и теоретической и прикладной лингвистики
Южноукраинского национального педагогического университета
имени К. Д. Ушинского
(Одесса, Украина) dp85@ukr.net*

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА В РОМАНЕ БРЮСА СТЕРЛИНГА «СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ»

В статье рассматриваются стилистические средства выражения трансгуманизма в творчестве американского писателя Брюса Стерлинга, одного из ярчайших представителей субжанра научной фантастики, известного как киберпанк. Материалом для исследования служит его роман «Священный огонь», затрагивающий социальные и морально-этические проблемы увеличения продолжительности жизни благодаря достижениям в области биомедицинской геронтологии. Выясняется, что транслируемый автором меседж носит весьма противоречивый характер: идейно он нередко оппонирует трансгуманизму, нежели воспроизводит его техно-оптимистический дискурс, что находит яркое отражение на лексико-стилистическом уровне.

Ключевые слова: *иммортализм, лонгевизм, научная фантастика, постчеловек, трансгуманизм.*

Поль ДОНЕЦЬ,

orcid.org/0000-0001-6759-0920

*викладач кафедри перекладу і теоретичної та прикладної лінгвістики
Південноукраїнського національного педагогічного університету
імені К. Д. Ушинського
(Одеса, Україна) dp85@ukr.net*

СТИЛІСТИЧНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ТРАНСГУМАНІЗМУ В РОМАНІ БРЮСА СТЕРЛІНГА «СВЯТИЙ ВОГОНЬ»

У статті розглядаються стилістичні засоби вираження трансгуманізму у творчості американського письменника Брюса Стерлінга, який є одним з яскравих представників піджанру наукової фантастики, відомого як кіберпанк. Матеріалом для дослідження служить його роман «Святий вогонь», який зачіпає соціальні і морально-етичні проблеми збільшення тривалості життя завдяки досягненням в області біомедичної геронтології. Встановлено, що трансльований автором меседж має досить суперечливий характер: ідейно він незрідка опонує трансгуманізму, ніж відтворює його техно-оптимістичний дискурс, що знаходить яскраве відображення на лексико-стилістичному рівні.

Ключові слова: *збільшення тривалості життя, іморталізм, наукова фантастика, постлюдина, трансгуманізм.*

Paul DONETS,

orcid.org/0000-0001-6759-0920

*Teacher at the Department of Translation,
Theoretical and Applied Linguistics
of South Ukrainian National Pedagogical University named
after K. D. Ushynsky,
(Odesa, Ukraine) dp85@ukr.net*

STYLISTIC MEANS OF EXPRESSING TRANSHUMANISM IN THE NOVEL “HOLY FIRE” BY BRUCE STERLING

The article examines stylistic devices in which American science fiction writer Bruce Sterling expresses transhumanist ideas. The author is known as one of the pioneers and brightest representatives of science fiction subgenre, known as cyberpunk, though his novel “Holy Fire”, which has been chosen as an object to be studied, is closer to near-future social science fiction. It touches upon moral and ethical issues of radical life extension by means of anti-aging medicine and biomedical gerontology. The novel depicts the story of an old woman who undergoes an experimental rejuvenation

treatment that successfully transforms her into a young lady. Unhappy with the safe, quiet and boring lifestyle of the US gerontocracy, she dramatically changes her life and escapes to Europe where she dives into the world of contemporary fashion, modern art, bohemian circles and anarchist tribes, but at the same time faces the challenging existential crisis. The purpose of the analysis is to determine lexical and stylistic specificity of expressing transhumanism in English-language literature in general and in the above-noted novel in particular. It is found out that the message translated by the author is quite controversial: while having some obvious transhumanist indications along with references to longevity, scientific immortalism and bioethical abolitionism, it also has numerous bioconservative and alarmist traits, which can be observed at stylistic and lexical level. In its simplest form, this is manifested in the special use of epithets, metaphors, similes, personifications, antithesis, hyperbolas and other stylistic means. In certain cases the novel rather opposes transhumanism than reproduces its techno-utopian discourse. It follows the warning trends of modern science fiction, using such dichotomies as “natural / artificial”, “human / non-human”, “old / young”, “body / mind”, “preservation / creation”, etc. The tropes and figures of speech used by the author are in most cases emotionally expressive, that is, they contain elements of value and serve to express subjective modality (both positive and negative). By and large, the above-mentioned novel can be related to the transhumanist discourse, albeit with some reservations. The author’s attitude to this topic seems to be more complex and dualistic, as reflected in his dystopian depiction of the future.

Key words: *immortalism, life-extensionism, posthuman, science fiction, transhumanism.*

Для чего нам жить долго? Не будет преувеличением сказать, что этим вопросом человечество задаётся с древнейших времён. Но лишь новейшие достижения в области антиэйджинговых исследований, геронтологии, ювенологии и биотехнологий, открывающие возможность значительного увеличения продолжительности жизни человека, сделали данную проблематику одним из самых актуальных вопросов современности, выводя её из области фантастики и философии в плоскость практической реализации.

Человечество, по словам Дж. Курцмена, стоит «на пороге новой эры, когда медицина превратит Homo sapiens в Homo longevus – сверхдолгожителей, когда мужчины и женщины в зрелые годы полностью сохранят и умственную и физическую бодрость» (Курцмен, 1982: 14). «Новые технологии и знания, которые будут доступны через 20–30 лет, повернут процесс старения вспять и дадут всем нам шанс оставаться молодыми и жить вечно», – вторит ему футуролог Р. Курцвейл и доктор медицины Т. Гроссман (Курцвейл, 2015: 9). Соглашается с этим мнением и кембриджский геронтолог О. ди Грей, заверяющий, что уже через несколько десятилетий, то есть при жизни ныне живущего поколения, станет возможным ликвидировать старение как основную причину смерти (Ди Грей, 2011: 7).

Именно поэтому как нельзя более актуальной становится доктрина трансгуманизма, несущая мысль о необходимости улучшения природы человека, в том числе с помощью медицинских новаций, а в соответствии с этим – и научно-фантастические сюжеты, в которых тема продления жизни вынесена на передний план и анализируется с различных концептуальных позиций.

Особняком среди произведений подобного плана выделяется роман американского писателя Б. Стерлинга «Священный огонь». В этой книге он

отошёл от прославившего его киберпанка в сторону социальной фантастики «ближнего прицела», действие которой разворачивается не на космических просторах далёкого будущего, а на родной и знакомой Земле в конце нынешнего столетия. В основу сюжета легла история пожилой женщины, обретшей благодаря достижениям науки вторую молодость. Может ли вышеназванное произведение служить наглядным образчиком трансгуманистической фантастики и какие стилистические приёмы могут подтвердить или опровергнуть данное предположение – поиск ответов на эти вопросы и станет основной целью текущей статьи.

Пережив в середине века череду опустошительных эпидемий, правительства многих стран сделали ставку на биомедицину: она опережает другие отрасли и получает максимальное финансирование, что привело к существенному повышению средней продолжительности жизни. В этой области задействовано более 15% общего населения планеты, исследования идут, не прекращаясь, а различных способов омоложения насчитывается уже несколько десятков.

Бессмертие – этот Святой Грааль науки – пока лишь теоретизируется, но всё указывает на то, что в ситуации вот-вот наметится перелом. Звучат сравнения происходящего с дорогой, которую можно пройти, или вершиной, которую можно покорить: put our patients on the path to immortality; sooner or later we will hit the plateau. Автор подчёркивает, что преодоление смерти – не какой-то мистический технологический импульс: над решением этой задачи напряжённо работают специалисты и постепенно добиваются результатов.

Центральный персонаж книги, 94-летняя Миа Зиemanн, решается пройти курс радикального омоложения. Потеряв после операции всю наносную культуру поведения и испугавшись нагромождений условностей, которыми окружен

человек её уровня и достатка, она бежала из противной ей тихой и застойной геронтократической среды Сан-Франциско на волю, в Европу. Вновь обретая здоровье и привлекательность 20-летней девушки, героиня испытывает новые эмоции и в корне меняет свою жизнь. Молодая и похорошевшая, она колесит по Старому Свету, выступает на подиуме, связывается с маргинальной публикой: преступниками, наркоманами, бунтарями, анархистами и художниками-авангардистами, попутно переживая острый экзистенциальный кризис.

Подобного рода онтологическая трансформация, по мнению Б. Преч, представляет любопытное видение тела как пограничного случая, где оно выступает одновременно как объект природы и как объект культуры. Отбросив гендерные ограничения, налагаемые традиционной женской ролью в системе общественных отношений, она начинает жить так, как ей хочется: так Миа становится Майей (Pretzsch, 2010: 219). Солидаризируясь с данной позицией, Дж. Волмарк отмечает, что указанное произведение являет собой истинно постмодернистский текст, так как оно наглядно демонстрирует феномен «исчезающей» или «преодоленной» телесности, и что, начиная именно с этой книги, научная фантастика стала уделять большое внимание взаимосвязи тела и технологии (Wolmark, 2002: 76).

Но стоило ли ради этого проживать долгую, полную строгой дисциплины и самоограничений жизнь? За свои без малого сто лет протагонистка никого не любила, полностью отдавая себя работе, поэтому сейчас у неё нет ни семьи, ни друзей. Себя она характеризует как глубоко несчастную, психологически травмированную личность, «техностаруху» конца XXI века. Речь персонажа наполнена эмоционально окрашенными эпитетами, усиленными эпифорами: *I'm someone who used to be a woman; I'm a postsexual person, I'm a postwomanly person. I'm a crone. I'm a late-twenty-first-century techno-crone; a woman of damaged and fragmented subjectivity; the sort of man who could easily outlast a mere building.* В её понимании она – нечто, пытающееся быть человеком, и только «священный огонь» творческого вдохновения помогает ей сохранить в себе остатки человеческого.

Стерлинг не устаёт подчёркивать, что молодость Майи – фальшивая: в облике женщины проглядывают неестественные, а порой и откровенно пугающие черты. Данный эффект реализуется за счёт стилистической конвергенции, которую И. В. Арнольд определяет как «схождение в одном месте пучка стилистических приёмов, участвующих в единой стилистической функции»

(Арнольд, 1990: 64). Упомянутый метод хорошо прослеживается на примере следующих отрывков:

– взаимодействие эпитетов и сравнений с неживыми объектами: *This face was not the face of a young woman. It was a posthuman face, pale and pinched and brimful of exotic forms of anguish it was not fully allowed to experience. The sculptured, waxy face of some outmoded plastic mannequin;*

– сочетание антитезы и оксюморона: *You're very beautiful. But it's not a young woman's beauty. You're terribly beautiful. There is an element of terror to your presence;*

– комбинация метафоры и анадиплосиса: *She was a monster. She was a monster escaped from a cage and it was in the interests of everyone she knew, and everyone she met, to lock her up.*

Как отмечает Т. Мэнгам, до сих пор большинство научно-фантастических произведений интерпретировали вечную юность как страдание, одиночество и скуку, пересказывая на новый лад античный миф о Тифоне. В данной трактовке привязка к молодости – это ловушка, в то время как принятие старости – освобождение (Mangum, 2002: 70). «Священный огонь» Стерлинга представляет собой нечто противоположное. Из романа мы выносим, что Майя отказывается смириться со своим возрастом, начиная жить полной жизнью лишь после своего «перевоплощения». При этом она хоть и старается подражать молодёжи, но сама ею не является, следовательно, молодость нельзя воспроизвести химическим или каким-то другим путём. В этом смысле произведение, с одной стороны, заступает на территорию имморталистической философии, а с другой – это эйджизм в чистом виде, поскольку автор настаивает на том, что только юная жизнь может считаться настоящей, в то время как старость ущербна. А это, как мы знаем по множеству примеров из реальной жизни, не всегда соответствует действительности.

По замечанию профессора Пенсильванского университета С. Сквайр, Стерлинг изображает регенеративную медицину как нечто противоестественное, то есть противоречащее природе (Squier, 2004: 239). Писатель здесь вступает в полемику с трансгуманизмом, раздражаясь традиционной для эпохи Просвещения дихотомией «естественное/искусственное». Для усиления данного эффекта он прибегает к лексическому повторы: *Life extension is just not a natural state of affairs, and it's never going to be natural, and you can't ever make it natural.* Хотя прыжок в постчеловеческую эру представляется, по мнению автора, почти неизбежным (перед соблазном жить вечно

не устояла даже консервативная в таких вопросах католическая церковь с ватиканским понтификом во главе), Майя ностальгирует по прежнему порядку вещей, восхищается антитехническим образом жизни амишей и кочевых цыган, цепляется за артефакты ушедшей эпохи и постоянно подвергает сомнению свой поступок, предпринятый в начале книги. Для трансгуманистов, как мы знаем, подобная постановка вопроса даже не возникает: ценность продления жизни для них является очевидной и самодостаточной как с морально-этической, так и с социально-прагматической точки зрения.

При всём этом Майя призывает не романтизировать прошлое, признавая, что всего лишь поколение тому назад люди жили как дикари. В годы её «первой» молодости бушевали эпидемии, войны и финансовые кризисы. В сравнении с тем, что творилось каких-то полвека лет назад, вспоминает она, нынешняя цивилизация обитает едва ли не в раю, что, опять же, стилистически маркируется автором с помощью парцелляции (*Education. Leisure. Excellent health. Free food, free shelter. Unlimited travel*) и гиперболической метафоры (*Immortals wrapped in togas of the finest technological rhetoric. Supernaturally healthy creatures; it was a generation of young men fed from birth on biochemical ambrosia, with perfect teeth and perfect eyesight and lithe, balletic posture; the late twenty-first century shone in social tidiness*).

Складывается впечатление, что роман целиком соткан из подобных противоречий, а потому может быть истолкован двояко. С одной стороны, текст изобилует лексическими индикаторами трансгуманизма: *posthuman extension; processes of posthumanization; superhuman qualities*. Легко поддаётся обнаружению поэтика иммортализма и биоэтического аболиционизма, когда смерть и страдания изображаются источниками экзистенциального ужаса: *the stark reality of encroaching death; primal dread of pain and death; death was a reality that sought people out and put its primal stamp on every fiber of their beings; vast new crypts and buttresses and towers were added to the ancient House of Pain*. Антиэйджинговым процедурам подвергаются даже животные, причём Стерлинг вводит для этого специальную терминологию, называя крысу с удлинённым сроком жизни постгрызуном, а элегантно одетого говорящего сенбернара, ведущего телевизионные интеллектуальные диспуты и умеющего решать математические задачи, – постсобакой (*heavily altered dogs; postcanine; postrodent*).

Сдругой стороны, избавив от старения человека, наука обрекла на увядание всё, что его окружает:

природу, чувства, отношения. Стилистически это выражается, например, за счёт синергии олицетворения, парцелляции и эпифоры: *The human condition is over. Nature is over. Art is over. Consciousness is ductile. Science is an infinite powder keg*. Даже сами люди, уверен автор, перестали быть самими собой (*people stopped being people*), а загадка души свелась до набора химических элементов (*a mnemonic that would open your soul like a filing cabinet*). Держится пока лишь искусство, но и этот «последний бастион» подвергается суровому испытанию, изменяясь под натиском всепроникающей виртуализации и технизации.

Всё это происходит на фоне острого конфликта поколений: озлобленная и всё более маргинализирующаяся молодёжь сетует на засилье прослойки геронтократов, парализовавших, как ей кажется, социальные лифты и законсервировавших культуру. Для выражения протестных настроений в ход идёт гиперболизм (*very old people possessed all the money in the world, and that from now on very old people were going to have all the money until the end of time; in order to make this world very safe for the very old, we have changed life for the young in ways that are truly evil; they're all doomed, a gang of sick centenarians with their ridiculous technologies. Trifling and tinkering with human flesh, when they have no concept of the power of imagination*) и развёрнутая метафора (*The gerontocrats, they're like ice on a pond. We're so deep down we'll never see the honest light of day. By the time our turn comes around, we'll be so old that we'll be cold blind fish, worse than Vietti is, a hundred times worse. And then the whole world will turn to ice*).

Американская писательница П. Сарджент не отрицает, что описанный Стерлингом в «Священном огне» мир настолько достоверен, что заставляет поверить в неизбежность наступления постчеловеческого будущего. Однако же, несмотря на то, что его обитатели богаты и здоровы, они прозябают в скуке, цинизме и стагнации (Sargent, 2009: 223). Вслед за ней колумнист журнала «Wired» Дж. Китс заявляет, что при всех высокотехнологических атрибутах «Священный огонь» всё же представляет собой антиутопическую картину, полную постмодернистской дегуманизированности (Keats, 2010: 151). И действительно, характерный для периода *fin de siècle* (рубеж XIX – XX вв.) декаданс словно возрождается в новой форме спустя два столетия, когда на фоне поразительных успехов в научно-технической отрасли в обществе господствуют кризисные, упадочные, пессимистические настроения.

Отмеченная выше дуалистичность мировоззрения Стерлинга определила и двойственность восприятия им техники. Как и всякое новшество, продление жизни – обоюдоострый меч, который может быть использован как во вред, так и во благо. «Ни одна технология, – пишет он, – не вливается плавно в реку будущего. Они дёргаются и хромают на своих костылях и ходулях, как и их античный покровитель, бог Гефест» (Стерлинг, 2005: 14).

Из всего сказанного напрашивается закономерный вывод: роман Стерлинга «Священный огонь»

в целом заслуженно ассоциируется с темой трансгуманизма и научного иммортализма, однако отношение самого автора к позициям данной системы взглядов, очевидно, носит более сложный и противоречивый характер. В пользу этого свидетельствует задействованный им арсенал изобразительно-выразительных средств языка (тропов и стилистических фигур), в основном несущих в себе экспрессивно-эмоциональную окраску, то есть содержащих элемент оценки (как позитивной, так и негативной).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Москва : Просвещение, 1990. 301 с.
2. Ди Грей О., Рэй М. Отменить старение. Москва : ИБС, 2011. 388 с.
3. Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend. Девять шагов на пути к вечной жизни. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 384 с.
4. Курцмен Дж. Гордон Ф. Да сгинет смерть! Победа над старением и продление человеческой жизни. Москва : Мир, 1982. 216 с.
5. Стерлинг Б. Будущее уже началось: что ждёт каждого из нас в XXI веке? Екатеринбург : У-Фактория, 2005. 264 с.
6. Keats J. Virtual Words: Language on the Edge of Science and Technology. New York : Oxford University Press, 2010. 177 p.
7. Mangum T. Longing for Life Extension: Science Fiction and Late Life. *Journal of Aging and Identity*. New York : Kluwer Academic Publishers, 2002. Vol. 7(2). Pp. 69–82.
8. Pretzsch B. The Female Body in Bruce Sterling's Cyberpunk Novel Holy Fire. *Visions of the Human in Science Fiction and Cyberpunk*. Oxford : Inter-Disciplinary Press, 2010. Pp. 211–221.
9. Sargent P. Science Fiction and Biology. *Reading Science Fiction*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. P. 219–226.
10. Squier S. M. Liminal Lives: Imagining the Human at the Frontiers of Biomedicine. Durham : Duke University Press, 2004. 350 p.
11. Wolmark J. Staying with the Body: Narratives of the Posthuman in Contemporary Science Fiction. *Edging Into the Future: Science Fiction and Contemporary Cultural Transformation*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2002. P. 75–89.

REFERENCES

1. Arnold I. V. Stylistyka sovremennoho anhlyiskoho yazyka (stylistyka dekodyrovaniya) [Stylistics of Modern English (Decoding Stylistics)]. Moskva : Prosveshchenye, 1990. 301 p. [in Russian].
2. De Grey A. Otmenyt starenie [Ending Aging]. Moskva : IBS, 2011. 388 p. [in Russian].
3. Keats J. Virtual Words: Language on the Edge of Science and Technology. New York : Oxford University Press, 2010. 177 p.
4. Kurtzman J. Gordon P. Da shynet smert! Pobeda nad starenem y prodlenye chelovecheskoi zhyzny [No More Dying: The Conquest of Aging and the Extension of Human Life]. Moskva : Mir, 1982. 216 p. [in Russian].
5. Kurzweil R., Grossman T. Transcend. Deviat shahov na puty k vechnoi zhyzny [Transcend. Nine Steps to Living Well Forever]. Moskva : Mann, Ivanov & Ferber, 2015. 384 p. [in Russian].
6. Mangum T. Longing for Life Extension: Science Fiction and Late Life. *Journal of Aging and Identity*. New York : Kluwer Academic Publishers, 2002. Vol. 7(2). P. 69–82.
7. Pretzsch B. The Female Body in Bruce Sterling's Cyberpunk Novel Holy Fire. *Visions of the Human in Science Fiction and Cyberpunk*. Oxford : Inter-Disciplinary Press, 2010. P. 211–221.
8. Sargent P. Science Fiction and Biology. *Reading Science Fiction*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. P. 219–226.
9. Squier S. M. Liminal Lives: Imagining the Human at the Frontiers of Biomedicine. Durham : Duke University Press, 2004. 350 p.
10. Sterling B. Budushchee uzhe nachalos: chto zhdet kazhdoho iz nas v XXI veke? [Tomorrow Now: Envisioning the Next Fifty Years]. Yekaterinburg : U-Faktoryia, 2005. 264 p. [in Russian].
11. Wolmark J. Staying with the Body: Narratives of the Posthuman in Contemporary Science Fiction. *Edging Into the Future: Science Fiction and Contemporary Cultural Transformation*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2002. P. 75–89.